

В. В. Кропотов

ФИБУЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 4 МОГИЛЬНИКА ХОЛМСКОЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Работа посвящена всестороннему анализу металлической застежки-фибулы из погребения 4 могильника Холмское в Северо-Западном Причерноморье. Пересмотрено традиционное типологическое определение и датировка этого изделия. Содержавший его комплекс предложено относить ко второй половине II в. до н. э. и связывать с Тираспольской группой памятников.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, могильник, погребение, фибула, поздние скифы, сарматы, поздний эллинизм.

Металлические застежки-фибулы — важная деталь костюма древнего населения Европы, призванная скреплять между собой отдельные части верхней одежды и одновременно служить эффектным украшением. Чутко реагируя на малейшие колебания моды, постоянно изменяясь по форме и стилю и, одновременно, будучи одним из наиболее распространенных видов украшений, они являются надежными и, пожалуй, наиболее узкими хронологическими индикаторами. Именно поэтому металлическим застежкам неизменно отводится особая роль в датировке как отдельных памятников, так и целых культур на всем Европейском континенте. Не являются исключением из этого правила и древности юга Восточной Европы сарматского времени. Успехи в становлении абсолютной хронологии различных этапов развития сарматской культуры в незначительной степени зависят от достижений в области изучения данных изделий. В этой связи, уточнение типологической принадлежности и датировки отдельных фибульных находок, несомненно, представляет интерес для науки.

В настоящем сообщении речь пойдет об образце, происходящем из хорошо известного

погребального комплекса Северо-Западного Причерноморья — погребения 4 могильника Холмское, фигурирующего в большинстве обобщающих работ в качестве одного из наиболее ранних сарматских памятников региона. Вместе с тем, абсолютная датировка этого комплекса до сих пор остается дискуссионной.

Объект открыт в 1978 г. Измаильской новостроечной экспедицией ИА АН УССР под руководством А. В. Гудковой в ходе исследования грунтового могильника, расположенного в 4 км к югу от с. Холмское Арцизского района Одесской области, на плато левого берега р. Ташлык при ее впадении в оз. Китай, вблизи дельты р. Дунай. На некрополе, занимавшем территорию около 4 га, было изучено 24 погребения, сгруппированных вокруг пяти подквадратных в плане ровиков размерами от 11 × 11 до 16 × 16 м. Большинство комплексов по сопровождающему материалу отнесены к позднесарматскому периоду, время совершения двух захоронений, не содержавших какого-либо инвентаря, осталось не установленным, и лишь погребение 4, выделявшееся особым богатством, связано с предшествующим культурно-хронологическим этапом (Гудкова, Фокеев 1984, с. 6—32).

Это захоронение находилось несколько в стороне от основной группы погребений, в юго-восточной части могильника и было совершенно в могиле с «запличиками», вытянутой по оси северо-восток—юго-запад. Верхняя часть сооружения имела трапецевидную в плане форму размером 2,2 × 1,1—1,5 м, расширяющуюся к юго-западу. Нижняя часть — почти прямоугольная, размером 2,7 × 0,9—1,0 м с максимальным расширением также в юго-западной части. Продольные стены могилы — верти-

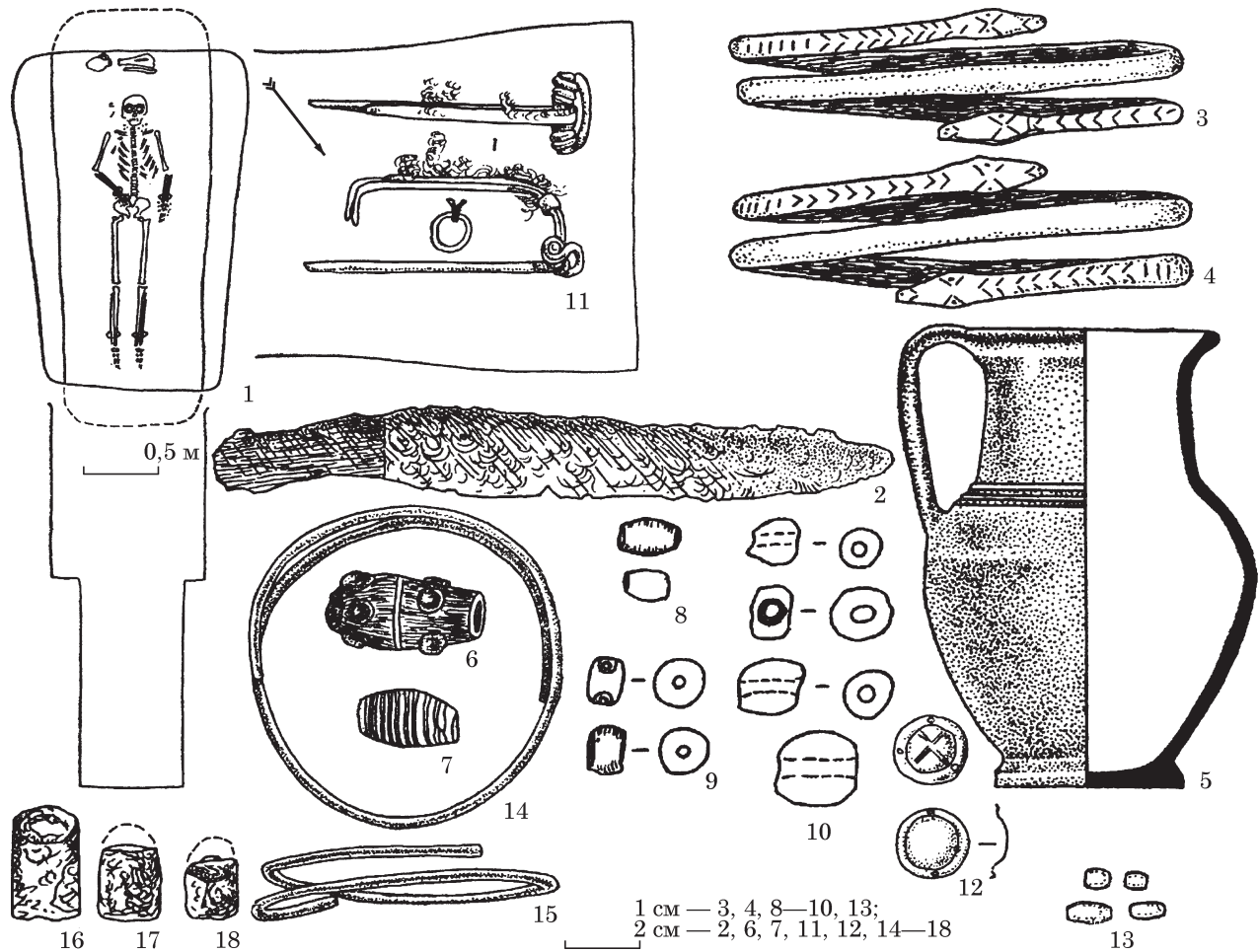

Рис. 1. План и инвентарь погребения 4 могильника Холмское (по: Гудкова, Фокеев 1984, рис. 2)

кальные, с двумя симметричными уступами («заплечиками») шириной 0,1—0,25 м, устроенными на глубине 1,9 м от уровня современной дневной поверхности (1,5 м от уровня материка). Торцевые стены — скошены и постепенно расширяются ко дну могилы. Общая глубина конструкции составляла 3,8 м от уровня современной дневной поверхности (3,4 м от уровня материка), дно горизонтальное (рис. 1: 1).

На дне могилы, посыпанном мелом и покрытым камышовой подстилкой, находились останки погребения женщины, уложенной вытянуто на спине головой на юго-запад; ее правая рука была согнута в локте, кисть размещена на тазовых костях, на черепе возле глазниц прослежены следы красной краски. При покойной обнаружены следующие предметы: в изголовье — одноручный гончарный красноглиняный кувшин (рис. 1: 5), рядом с ним — лопатка и кости передней конечности животного (барана?) с железным ножом (рис. 1: 2), справа от черепа — бронзовая игла и кусочек охры, близ шейных позвонков — низка крупных стеклянных бусин (рис. 1: 6—10), в районе грудной клетки — серебряная фибула, покрытая остатками ткани, и кольцо (рис. 1: 11), на запястьях — серебряные двухвитковые проволочные

браслеты с концами, украшенными в виде змеиных головок (рис. 1: 3, 4), поверх кистей — золотые умбоновидные бляшки, а также мелкие стеклянные и сердоликовые бусы (рис. 1: 12, 13), на щиколотках — еще два серебряных проволочных браслета с гладкими концами, скрученные в полтора оборота (рис. 1: 14, 15). Кроме того, в придонной части могилы выявлены три железные ведровидные подвески, точное положение которых не было зафиксировано (рис. 1: 16—18).

Данный памятник достаточно подробно описан и охарактеризован в публикации материалов могильника, подготовленной А. В. Гудковой и М. М. Фокеевым (Гудкова, Фокеев 1984, с. 8—10). Авторы отнесли погребение к середине — второй половине I в. до н. э. и связали его со среднесарматской культурой (Гудкова, Фокеев 1984, с. 24). О такой культурной атрибуции, по их мнению, свидетельствовал ряд специфических признаков: тип погребального сооружения — могила с «заплечиками», ориентация покойной в южной сектор, наличие меловой подсыпки и камышовой подстилки. Исследователи предположили, что над погребением первоначально находилась типичная для среднесарматских захоронений невысокая

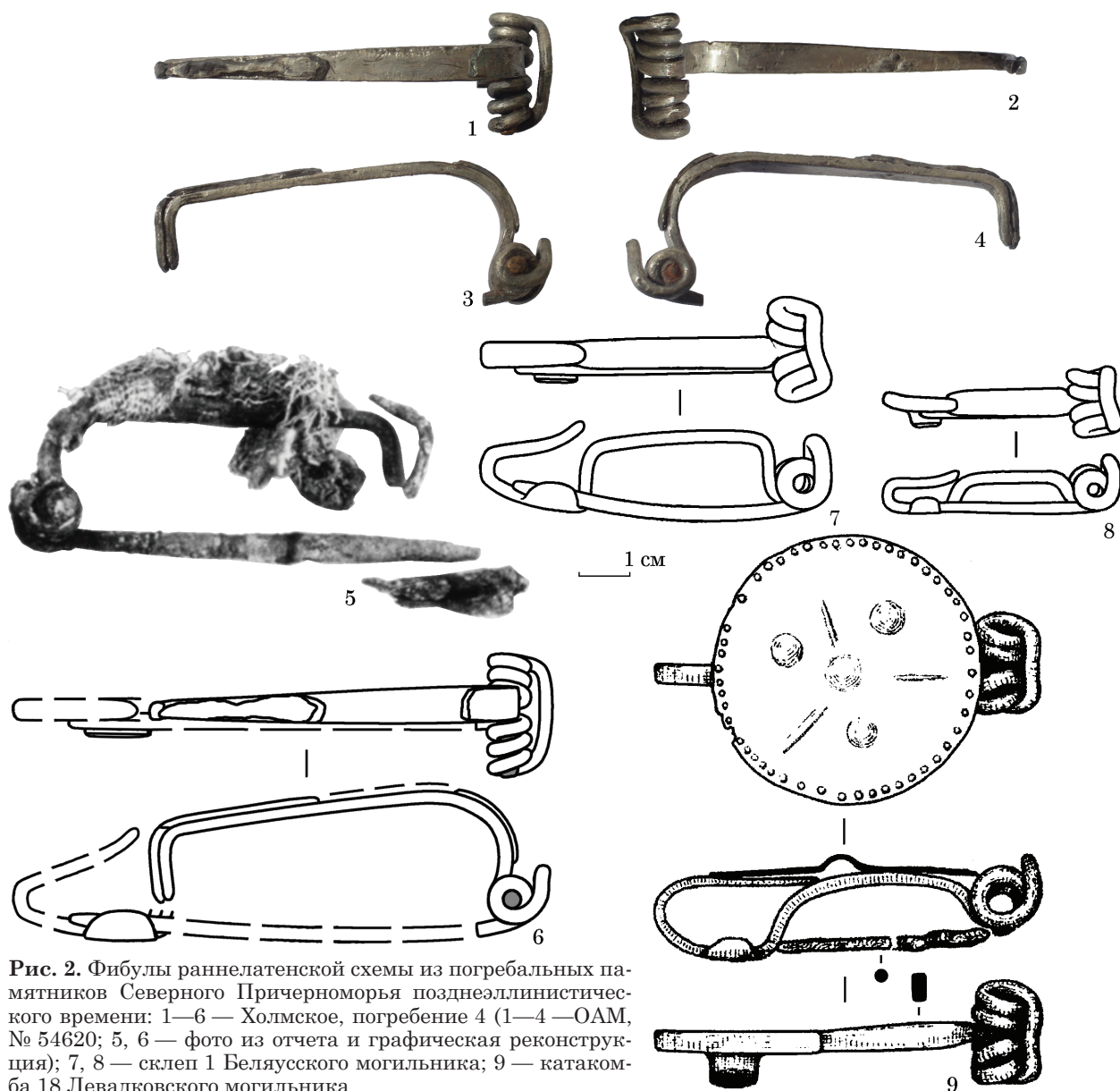

Рис. 2. Фибулы раннелатенской схемы из погребальных памятников Северного Причерноморья позднеэллинистического времени: 1—6 — Холмское, погребение 4 (1—4 — ОАМ, № 54620; 5, 6 — фото из отчета и графическая реконструкция); 7, 8 — склеп 1 Беляусского могильника; 9 — катакомба 18 Левадковского могильника

курганная насыпь, полностью распаханная до начала раскопок (Гудкова, Фокеев 1984, с. 21).

Датировка комплекса в пределах середины — второй половины I в. до н. э. базировалась в основном на анализе мелких личных украшений — стеклянных бус, золотых бляшек, ведерковидных подвесок и пр., а также серебряной фибулы. Набор бус, имеющих эллинистический облик, был отнесен к данному промежутку времени на основании присутствия в нем удлиненной бочковидной пронизи из глухого синего стекла, украшенной восемью бородавчатыми сине-белыми (или сине-желтыми) глазками и обвитой светлой бело-желтой нитью (рис. 1: 6). Последняя, как и золотые умбонovidные бляшки, находит прямые аналогии среди инвентаря погребений середины — второй половины I в. до н. э. Мавзолея Неаполя Скифского (Погрובה 1961, с. 177, 178, рис. 20: 3а; 28: 4), что и послужило основным аргументом в пользу

предложенной авторами датировки (Гудкова, Фокеев 1984, с. 23).

Серебряная фибула из погребения 4 сохранилась фрагментарно. Застежка имела низкий прямоугольный в сечении корпус, многовитковую пружину с верхней тетивой и поврежденную коррозией ножку; отдельно сохранившийся приемник, по замечанию А. В. Гудковой и М. М. Фокеева, конически сужался к внешней стороне (рис. 1: 11; Гудкова, Фокеев 1984, с. 8, рис. 2: 11). Авторы идентифицировали образец как фибулу среднелатенской схемы со свободным концом ножки, скрепленным со спинкой с помощью скрепы-муфты, и датировали его I в. до н. э. (Гудкова, Фокеев 1984, с. 8, 23).

Такое определение фибулы стало общепринятым (см., напр., Шукин 1989а, с. 35, 37; Гросу 1990, с. 41; Дзиговський 1993, с. 55; и др.). Именно как гладкая скрепленная застежка среднелатенской схемы она вошла в свод фибул

юга Восточной Европы сарматского времени, подготовленный автором (Кропотов 2010, с. 44, 45). Дискуссия развернулась лишь относительно датировки всего комплекса в целом — его предлагали отнести либо к началу / первой половине I в. до н. э. (Симоненко 1994, с. 35, 45; Дзиговский 2003, с. 69), либо к концу этого столетия (Щукин 1989а, с. 37; 1989b, с. 70; Гросу 1990, с. 41; Дзиговский 1993, с. 71), либо даже к еще более позднему времени (Кропотов 2001, с. 187; Сергацков 2007, с. 410), связывая то со средне-, то с раннесарматскими древностями.

Ознакомление с оригиналом, хранящимся в Одесском археологическом музее НАН Украины, позволило иначе интерпретировать этот предмет.

Как уже было указано выше, фибула представлена не полностью. В фондах ОАМ (№54620)¹ хранится только ее корпус с симметричной восьмивитковой пружиной, намотанной на бронзовую ось; тетива — верхняя. Прямая прямоугольная в сечении спинка изделия резко изогнута перед пружиной и несколько нависает над ней. Плавно сужающийся корпус переходит в ножку, сгибаясь под прямым углом. На корпусе частично сохранилась припаянная к нему дополнительная пластина, полностью повторяющая его по форме. Ножка, приемник и игла фибулы утрачены. Длина сохранившегося фрагмента 5,9 см, высота 2,2 см, максимальная ширина корпуса 0,5 см (рис. 2: 1—4).

Первое, что следует отметить при анализе описываемого экземпляра, — это не типичная для гладких скрепленных фибул среднелатенской схемы, к которым принято относить данный образец, форма спинки. Она прямоугольная в сечении, а не круглая проволочная, как у всех фибул указанной группы. Вместе с тем, аналогичные уплощенные спинки-дужки хорошо известны у фибул раннелатенской схемы и некоторых форм среднелатенских «расчлененных», широко бытовавших в предшествующее время (см., напр., Кропотов 2010, рис. 17: 1—3; 23: 4).

Вторая важная особенность данного изделия — отсутствие на корпусе каких-либо следов скрепы или муфты, с помощью которой к спинке мог быть прикреплен свободный конец ножки. По-видимому, А. В. Гудкова и М. М. Фокеев указали на ее наличие лишь гипотетически, основываясь на интерпретации накладной пластины на корпусе как свободного конца ножки, скрепленного со спинкой с ее помощью.

К сожалению, ни ножка, ни приемник фибулы не сохранились, что существенно затрудняет типологическое определение изделия.

Однако об их первоначальной форме можно судить по фотографии, представленной в отчете о полевых исследованиях могильника (Гудкова и др. 1978, табл. 67: 10), на которой застежка отображена еще до очистки от патины и ржавчины, частично укрытая остатками ткани (рис. 2: 5). На фотографии хорошо заметна ровная прямая ножка со свободным концом, загнутым вверх под острым углом. И хотя эта деталь в месте соединения с корпусом уже надломана и смещена со своего первоначального положения, достаточно отчетливо видно, что ее конец закруглен, не доходит до края спинки и не соединен с дополнительной пластиной, припаянной к корпусу. На этом же фото присутствует и отпавшая от ножки часть с приемным аппаратом. Этот элемент представляет собой отогнутый от края ножки выступ-язычок, что не обычно для гладких фибул среднелатенской схемы, как правило, имеющих приемник-«лодочку», зато весьма характерно для тех же фибул раннелатенской схемы и отдельных форм среднелатенских «расчлененных», для которых типичен низкий прямоугольный в плане корпус с уплощенным сечением спинки.

Указанные признаки явно противоречат интерпретации рассматриваемого образца как гладкой скрепленной фибулы среднелатенской схемы. Напротив, такие отличительные черты, как низкий прямой корпус, прямоугольное сечение спинки, 8-витковая пружина с верхней тетивой, не закрепленный на корпусе свободный конец ножки, приемник в виде язычка-выступа и т. д., сближают рассматриваемую фибулу с наиболее поздними формами застежек раннелатенской схемы, хорошо известными по находкам в позднеэллинистических захоронениях Ольвии и позднескифских склепах-катакомбах из Центрального и Северо-Западного Крыма (рис. 2: 7—9; Фурманьска 1953, с. 78, табл. I: 5—10; Амброс 1966, с. 21, табл. 1: 12; Михлин 1980, с. 195—197, рис. 1: 1—8; Храпунов, Мульд 2004, с. 255, рис. 12: 4; Кропотов 2010, с. 38, рис. 17: 1—3). Погребальный инвентарь этих захоронений позволяет датировать данные изделия в пределах II в. до н. э., скорее всего, второй половиной столетия (Кропотов 2010, с. 38, 39). К этому же временному промежутку, по-видимому, следует относить и фибулу из погребения 4 могильника Холмское.

Здесь необходимо подчеркнуть, что период бытования остальных категорий инвентаря из погребения 4, послужившего основанием А. В. Гудковой и М. М. Фокееву для отнесения комплекса к середине — второй половине I в. до н. э., также не исключает это определение. Так, Е. М. Алексеева для бочковидных пронизей из глухого синего стекла, украшенных восемью бородавчатыми глазками и обвитых светлой нитью, допускает более широкую датировку: II—I вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 54, типы 356, 357), подтвержденную, в частности,

1. Автор выражает признательность научному сотруднику Одесского археологического музея НАН Украины Д. А. Масюте за помощь в работе с материалом.

серией находок подобных украшений в захоронениях второй половины II — начала / первой половины I вв. до н. э. на Беляусском могильнике (Дашевская 2014, с. 16, 26, 33, 37, 42, табл. 15: 42, 43; 47: 19; 71: 24; 87: 35; 100: 20). В беляусских комплексах этого времени известны и идентичные золотые умбоновидные бляшки (Дашевская 2014, с. 20, 24, 27, 54, табл. 27: 2; 38: 6, 7; 50: 28, 29; 133: 4), а также ведековидные подвески (Дашевская 2014, с. 33, табл. 74: 1) и двухвитковые браслеты с концами, украшенными в виде змеиных головок (Дашевская 2014, с. 12, 22, 23, 35, табл. 8: 13; 33: 7, 10; 38: 8, 13, 19; 83: 22, 26, и др.). Встречаются на Беляусе и гладкие проволочные браслеты, скрученные в полтора оборота (Дашевская 2014, с. 31, 35, табл. 69: 6, 7; 83: 16, 18).

Все эти факты позволяют существенно удревнить время совершения погребения 4 и датировать его по наиболее узкому хронологическому индикатору — металлической застежке-фибуле, II в. до н. э., а именно, второй половиной этого столетия.

Столь ранняя датировка, в свою очередь, позволяет по-новому подойти и к культурной атрибуции комплекса в целом. Дело в том, что синхронные несомненно сарматские погребальные памятники известны лишь в противоположной части северо-понтийского региона, в Приазовье и на Нижнем Дону, и носят совсем иной облик: они совершены в простых грунтовых или, значительно реже, подбойных могилах, впущены на небольшую глубину в насыпи более древних курганов и содержат довольно скромный набор инвентаря, в типологическом плане заметно отличающегося от представленного (Симоненко 1994, с. 34—45; Глебов 2011, с. 34—39). Напротив, вещевой комплекс погребения 4 могильника Холмское находит прямые аналогии среди материала территориально близких ему памятников так называемой Тираспольской группы. Именно для них характерны подобные наборы бус, сходные по форме и времени бытования типы фибул, аналогичные браслеты, украшенные на концах наподобие змеиных головок, и пр. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 850 и сл.). Единственное существенное отличие рассматриваемого комплекса от памятников этой группы — не типичный для последних тип погребального сооружения: могила с «запличиками». Впрочем, данное сооружение своей трапециевидной формой, значительной глубиной и даже наличием «запличиков» очень напоминает входные ямы катакомб III типа, наиболее характерных для Тираспольских памятников (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 676—683). В этой связи, нельзя исключать, что и могильное сооружение для погребения 4 начали строить как катакомбу, однако строительство по какой-то причине не довели до конца, и захоронение в итоге осуществили на дне незавершенного погребального сооружения,

получившего внешнее сходство с «запличиковой» могилой.

Таким образом, подробный типологический анализ металлической застежки-фибулы из погребения 4 могильника Холмское позволил не только пересмотреть существующие датировки этого комплекса, но и поставить вопрос о его иной культурной атрибуции. По всей видимости, данное захоронение следует исключить из списка наиболее ранних сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья и отнести его к кругу древностей Тираспольской группы, обоснованно связываемой с позднескифской культурой.

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну интересную особенность рассмотренной фибулы, а именно — наличие накладной пластины на ее корпусе. Схожий элемент был встречен лишь однажды — на однотипном образце из склепа 34 Беляусского могильника, к сожалению, также сильно фрагментированном (Михлин 1980, рис. 1: 6; Дашевская 2014, табл. 20: 16). На других застежках подобная черта не отмечена — дужки абсолютно всех фибул одночастные. В этой связи, аргументировано обосновать функциональное предназначение указанного элемента не представляется возможным, однако с высокой долей вероятности можно предположить, что его появление связано с ремонтом изделия.

Как известно, из-за постоянной механической нагрузки многие части фибулы быстро изнашивались и приходили в негодность. Чаще других повреждения получали пружина и игла. Следы их ремонта заметны на многих застежках, в частности на аналогичных образцах из склепа 17 Беляусского могильника и катакомбы 18 могильника Левадки (рис. 2: 9; Михлин 1980, рис. 8: 7; Дашевская 2014, табл. 43: 7; Храпунов, Мульд 2004, рис. 12: 4). Оба украшения были поломаны в месте перехода пружины в иглу. Чтобы продлить им срок службы, древний мастер из отдельного куска железной проволоки изготовил новую иглу, которую свободным концом закрепил на головке фибулы (Кропотов 2012, с. 87, 88). Застежка из погребения 4 могильника Холмское, по-видимому, получила повреждение в месте соединения корпуса с ножкой. Чтобы как можно прочнее скрепить распавшиеся части, мастер выковал для фибулы дополнительную деталь — накладную пластину, с помощью которой надежно соединил между собой корпус и ножку изделия. Новый конструктивный элемент принял на себя всю механическую нагрузку, позволив использовать образец и в дальнейшем.

И хотя на данный момент отсутствие близких аналогий не позволяет подкрепить высказанное предположение конкретным примером, не исключено, что в будущем, с увеличением числа находок, появятся новые образцы, не только подтверждающие, но и дополняющие предложенную здесь трактовку.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Свод археологических источников, Г 1-12. Москва: Наука.

Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* Свод археологических источников, Д 1-30. Москва: Наука.

Глебов, В. П. 2011. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II—I вв. до н. э. В: *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Ростов-на-Дону, Кагальник, 11—15 мая 2011 г.)*, с. 34-48.

Гросу, В. И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Гудкова, А. В., Алексеева, И. Л., Тошчев, Г. Н., Фокеев, М. М., Черняков, И. Т. 1978. *Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1978 г.* НА ИА НАН України, ф. 64, 1978/15.

Гудкова, А. В., Фокеев, М. М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I — IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Дашевская, О. Д. 2014. *Беляусский могильник*. Симферополь: Феникс.

Дзиговський, О. М. 1993. *Сарматы на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. — першій половині IV ст. н. е.* Київ: ІА АН України.

Дзиговський, А. Н. 2003. *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*. Одесса: Гермес.

Кропотов, В. В. 2001. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац. *Бакхисарайский историко-археологический сборник*, 2, с. 182-189.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кропотов, В. В. 2012. О ремонте северопричерноморских фибул в сарматское время. В: *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, 14—16 листопада 2011 г.)*, с. 87-92.

Михлин, Б. Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника. *Советская археология*, 3, с. 194-213.

Погрєбова, Н. Н. 1961. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 96, с. 103-213.

Сергацков, И. В. 2007. Фибулы из погребений Азиатской Сарматии I — первой половины II вв. н. э. В: Козенкова, В. И., Малашев, В. Ю. (ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*. Москва: Таус, с. 408-431.

Симоненко, О. В. 1994. Раннесарматський період у Північному Причорномор'ї. *Археологія*, 1, с. 32-48.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глинное*. Тирасполь: Stratum plus.

Фурманська, А. І. 1953. Фібули з розкопок Ольвії. *Археологія*, VIII, с. 76-94.

Храпунов, И. Н., Мульд, С. А. 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры. *Проблемы истории, филологии, культуры*, XIV, с. 239-269.

Шукин, М. Б. 1989а. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования). В: *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)*. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, с. 31-56.

Шукин, М. Б. 1989b. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. *Советская археология*, 1, с. 70-83.

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomoria*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga Evropejskoj chasti SSSR II v. do n. e. — IV v. n. e.* Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-30. Moskva: Nauka.

Glebov, V. P. 2011. Pogrebalnaya obryadnost rannesarmatskoy kultury Niznego Podonia II—I vv. do n. e. In: *Pogrebalniy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (Rostov-na-Donu, Kagalnik, 11—15 maya 2011 g.)*, s. 34-48.

Grosu, V. I. 1990. *Khronologia pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestro-Prutskogo mezhdurechya*. Kishinev: Shtiintsa.

Gudkova, A. V., Alekseeva, I. L., Toshchev, G. N., Fokeev, M. M., Chernyakov, I. T. 1978. *Otchet o rabote Izmail'skoy novostroechnoy ekspeditsii IA AN USSR v 1978 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1978/15.

Gudkova, A. V., Fokeev, M. M. 1984. *Zemledeltsy i kochevniki v nizoviakh Dunaya I — IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Dashevskaya, O. D. 2014. *Belyausskie mogilnik*. Simferopol: Feniks.

Dzigovskiy, O. N. 1993. *Sarmaty na zakhodi stepovogo Prichornomoriya naprykintsy I st. do n.e. — pershiy polovyni IV st. n. e.* Kuyv: IA AN Ukrainy.

Dzigovskiy, A. N. 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel*. Odessa: Germes.

Kropotov, V. V. 2001. Pogrebeniye s fibuloy srednelatenskoy skhemy iz mogilnika Neyzats. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 2, s. 182—189.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.

Kropotov, V. V. 2012. O remonte severoprichernomorskikh fibul v sarmatskoe vremya. In: *Muzeini chitannya. Materialy naukovoi konferentsii «Yuvelirne mystetstvo — poglyad kryz viky» (Kuyv, 14—16 lystopada 2011 g.)*, s. 87-92.

Mikhlin, B. Yu. 1980. Fibuly Belyausskogo mogilnika. *Sovetskaya arkheologia*, 3, s. 194-213.

Pogrebova, N. N. 1961. Pogrebeniya v Mavzolee Neapolya Skifskogo. *Materialy I issledovaniya po arkheologii SSSR*, 96, s. 103-213.

Sergatskov, I. V. 2007. Fibuly iz pogrebehiy Aziatskoy Sarmatii I — pervoy poloviny II vv. n. e. In: Kozenkova, V. I., Malashev, V. Iu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke*. Moskva: Taus, s. 408-431.

Simonenko, O. V. 1994. Rannosarmatskiy period u Pivnichnomu Prychornomorii. *Arkheologiya*, 1, s. 32-48.

Tel'nov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoe*. Tiraspol: Stratum plus.

Furmanska, A. I. 1953. Fibuly z rozkopok Olvii. *Arkheologiya*, VIII, s. 76-94.

Khrapunov, I. N., Muld, S. A. 2004. Katakomby iz mogilnikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoy kultury. *Problemy istorii, filologii, kultury*, XIV, s. 239-269.

Shchukin, M. B. 1989a. Na zapadnykh granitsakh Sarmatii (nekotorye problemy i zadachi issledovaniya). In: *Kochevniki evraziyskikh stepey i antichnyy mir (problemy kontaktov)*. *Materialy 2-go arkheologicheskogo seminara*. Novocherkassk, s. 31-56.

Shchukin, M. B. 1989b. Sarmaty na zemlyakh k zapadu ot Dnepra i nekotorye sobytiya I v. n. e. v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope. *Sovetskaya arkheologia*, 1, s. 70-83.

V. V. Kropotov

THE FIBULA FROM BURIAL 4 IN THE HOLMSKE BURIAL GROUND AT NORTH-WEST PONTIC REGION

The metal fibula found in the grave 4 in the Holmske burial ground is comprehensively analyzed in the paper. This entombment is characterized in the majority of generalizing works as one of the Earliest Sarmatian sites of North-West Pontic Region. At the same time its absolute dating is remained debatable up to now. Researchers dates this assemblage to the beginning / first half of the 1st century BC, or to the end of this century, or even more later time, interpreting this fibula the derivate of the smooth clamped fibula of Middle La-Ten scheme of the 1st century BC. Watching the original stored in Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Science of Ukraine has allowed us certainly identify this object. Such distinctive features as the low direct hull, the rectangular section of the backrest, the free end of leg not fixed on the hull, the receiver in the form of a uvula-ledge etc., pull together this sample with the oldest fibulae of the Early La Ten scheme that existed in the second half of the 2nd century BC. Apparently, the fibula from burial No. 4 in the Holmske burial ground must be dated to this time interval. Other grave goods from this assemblage does not contradict such attribution.

Is of interest that the nearest synchronous undoubtedly Sarmatian graves are known only on the inverse part of North Pontic Region — in Sea of Azov region and on the Lower Don area and have absolutely other cultural looking. On the contrary, burial 4 in the cemetery of Holmske has straight analogies among the graves of so-called Tiraspol barrows which are geographically close to it and for which the similar graves goods and funeral constructions are characteristic. Thus though burial 4 is not made in a catacomb, peculiar for Tiraspol sites, it nevertheless should be included into this cultural group.

Keywords: North-West Pontic Region, cemetery, burial, fibula, Late Scythians, Sarmatians, Late Hellenism.

B. B. Kropotov

ФІБУЛА З ПОХОВАННЯ 4 МОГИЛЬНИКА ХОЛМСЬКЕ У ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОМУ ПРИЧОРНОМОР'І

У статті всебічно проаналізовано металеву застібку-фібулу з поховання 4 могильника Холмське. Це поховання фігурує в більшості узагальнюючих робіт як одна з найбільш ранніх сарматських пам'яток Північно-Західного Причорномор'я. Разом з тим його абсолютне датування досі залишається дискусійним. Дослідники відносять комплекс чи до початку / першій половині I ст. до н. е., чи до кінця цього століття, чи до ще більш пізнього часу, інтерпретуючи фібулу, що походить з нього, як гладку скріплену застібку середньолатенської схеми I ст. до н. е. Огляд оригіналу, що зберігається в Одеському археологічному музеї НАН України, дозволив інакше атрибутивати цей предмет. Такі визначальні риси як низький прямий корпус, прямокутний перетин спинки, не закріпленний на корпусі вільний кінець ніжки, приймач у вигляді язичка-виступу тощо зближують зразок з найбільш пізніми фібулами ранньолатенської схеми, які існували у другій половині II ст. до н. е. Мабуть, до цього часового проміжку слід віднести й фібулу з поховання 4 могильника Холмське. Решта начиння із комплексу такому визначенню не суперечить.

Цікаво відзначити, що найближчі синхронні, безсумнівно сарматські поховальні пам'ятки відомі лише у протилежній частині північно-понтійського регіону — у Приазов'ї і на Нижньому Доні, і мають зовсім інший культурний вигляд. Навпаки, поховання 4 могильника Холмське знаходить прямі аналогії серед матеріалу територіально близьких йому поховань так званої Тираспільської групи, для яких є характерний подібний набір інвентарю та подібні обриси поховальних споруд. І хоча поховання 4 здійснене не в катакомбі, властивій для Тираспільських пам'яток, його слід співвідносити саме з цієї культурної групою.

Ключові слова: Північно-Західне Причорномор'я, могильник, поховання, фібула, пізні скіфи, сармати, пізній елінізм.

Одержано 13.06.2020

КРОПОТОВ Віктор Валерійович, кандидат історичних наук, пр. Вернадського, 2, Сімферополь, АРК.
KROPOTOV Viktor V., Candidate of Science (History), Prosp. Vernadskogo, 2, Simferopol, ARC.
ORCID: 0000-0001-8317-0272, e-mail: v-kropotov@bk.ru.